

КИБЕРБУЛЛИНГ И СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ

И.С. Карауш, И.Е. Куприянова, А.А. Кузнецова

ФГБНУ «Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук»
НИИ психического здоровья, г. Томск, Россия

CYBERBULLYING AND SUICIDAL BEHAVIOR OF ADOLESCENTS

*I.S. Karaush, I.E. Kupriyanova,
A.A. Kuznetsova*

Mental Health Research Institute, Tomsk National Research
Medical Center, Russian Academy of Sciences, Tomsk, Russia

Информация об авторах:

Карауш Ирина Сергеевна – доктор медицинских наук (SPIN-код: 4193-9285; Researcher ID: J-2343-2017; ORCID iD: 0000-0003-1920-6175). Место работы и должность: ведущий научный сотрудник отделения пограничных состояний НИИ психического здоровья ФГБНУ «Томский национальный исследовательский медицинский центр РАН». Адрес: Россия, 634014, г. Томск, ул. Алеутская, 4. Адрес: Россия, 634004, г. Томск, ул. Алеутская, 4. Телефон: +7 (3822) 31-14-11, 72-43-79, электронный адрес: anir7@yandex.ru

Куприянова Ирина Евгеньевна – доктор медицинских наук, профессор (SPIN-код: 1617-63-49; Researcher ID: I-9441-2017; ORCID iD: 0000-0003-2495-7811). Место работы и должность: ведущий научный сотрудник отделения пограничных состояний НИИ психического здоровья ФГБНУ «Томский национальный исследовательский медицинский центр РАН». Адрес: Россия, 634014, г. Томск, ул. Алеутская, 4. Адрес: Россия, 634004, г. Томск, ул. Алеутская, 4. Телефон: +7 (3822) 72-43-79, электронный адрес: irinakupr@rambler.ru

Кузнецова Алина Андреевна (ORCID iD: 0000-0003-4239-3343). Место работы и должность: ординатор НИИ психического здоровья ФГБНУ «Томский национальный исследовательский медицинский центр РАН». Адрес: Россия, 634014, г. Томск, ул. Алеутская, 4. Адрес: Россия, 634004, г. Томск, ул. Алеутская, 4. Телефон: +7 (3822) 72-43-79, электронный адрес: kuznetsovalina29@yandex.ru

Information about the authors:

Karaush Irina Sergeevna – MD, PhD (SPIN-code: 4193-9285; Researcher ID: J-2343-2017; ORCID iD: 0000-0003-1920-6175). Place of work and position: Leading Researcher, Department of Border States, Scientific Research Institute of Mental Health Federal State Budget Scientific Institution «Tomsk National Research Medical Center». Address: Russia, 634004, Tomsk, 4 Aleutian st. Phone: +7 (3822) 31-14-11, 72-43-79, email: anir7@yandex.ru

Kupriyanova Irina Evgenievna –MD, PhD, Professor (SPIN-code: 1617-63-49; Researcher ID: I-9441-2017; ORCID iD: 0000-0003-2495-7811). Place of work and position: Leading Researcher, Department of Border States, of the Scientific Research Institute of Mental Health Federal State Budget Scientific Institution «Tomsk National Research Medical Center». Address: Russia, 634004, Tomsk, 4 Aleutskaya str. Phone: +7 (3822) 72-43-79, email: iri-nakupr@rambler.ru

Kuznetsova Alina Andreevna (ORCID iD: 0000-0003-4239-3343). Place of work and position: Resident of the Scientific Research Institute of Mental Health Federal State Budget Scientific Institution «Tomsk National Research Medical Center». Address: Russia, 634004, Tomsk, 4 Aleutskaya str. Phone: +7 (3822) 72-43-79, e-mail: kuznetsovalina29@yandex.ru

Обзор посвящён распространённому в среде подростков и юношества явлению – кибербуллингу, определяющемуся как «агрессивное, преднамеренное действие, совершаемое группой или отдельным лицом, использующим электронные формы контакта, неоднократно и в течение долгого времени против жертвы, которая не может легко защитить себя». Ситуация переживания травли в Интернет-пространстве связана с широким спектром проблем психического здоровья и поведения у подростков – депрессией, тревогой, низкой самооценкой, повышением риска употребления психоактивных веществ, формированием суицидального поведения. В обзоре дана характеристика формам и специфике данного явления, особенностям мотивации и психологическим характеристикам «агрессоров» и «жертв». Отмечена разница в реагировании обоих полов на ситуацию кибербуллинга: мальчики проявляют большую склонность к экстернализации, более склонны к употреблению алкоголя и наркотиков, рискованному поведению. Девочки-подростки, являющиеся объектами кибербуллинга, более склонны к интернализации, демонстрируют большое количество и разнообразие эмоциональных проявлений и больший уровень психологической дезадаптации в сравнении с мальчиками, а также имеют более высокий риск суицидальных мыслей и попыток. Имеющиеся в литературе данные свидетельствуют о том, что у тех, кто стал жертвой кибербуллинга в сравнении с невовлечёнными в процесс травли подростками, значительно возрастает частота возникновения различных проявлений суицидального поведения – мыслей, планов, попыток. Жертвы киберзапугивания в 2 раза чаще совершают попытки самоубийства, испытывая при этом чувство

«абсолютной безнадежности», частота возникновения суицидальных мыслей и планов в среднем оценивается как «выше в 2-4 раза». Данная тенденция более актуальна для девочек-подростков в сравнении с мальчиками. Основная масса научных исследований кибербуллинга осуществляется зарубежом. Исследования в России немногочисленны, отсутствуют системные разработки психологической помощи и тактики поведения разных участников (жертвы, сверстники, взрослые – родители, педагоги) для оптимального разрешения ситуации травли, предупреждения и коррекции проблем психического здоровья. В этом аспекте к числу самых значимых вопросов относится оценка связи кибертравли и суицидального поведения. В анализе причин, приводящих к суицидальным попыткам, кибербуллинг не всегда является «лежащей на поверхности», в виду низкой осведомленности и информированности взрослых, порой принимающих подобные ситуации как «незначительные» и «несерьёзные». Можно предположить, что роль буллинга как основной причины суицидальных действий, особенно в случае гибели подростков, нередко не распознаётся и остаётся «за кадром».

Ключевые слова: кибербуллинг, подростки, суицидальное поведение, суицидальные попытки, депрессия

Интернет и современные электронные устройства расширили традиционные формы общения, но также сделали возможными новые виды негативных взаимодействий, к которым относится особая форма травли (буллинга) – кибербуллинг [1-4]. Данное явление широко распространено среди обучающихся школ, колледжей и университетов [5]. Кибербуллинг является актуальной проблемой современной детской психологии и психиатрии [6], это явление связано с широким спектром проблем психического здоровья и поведения у подростков: депрессией, тревогой (включая развитие посттравматического стрессового расстройства), низкой самооценкой, академической неуспеваемостью, повышением риска употребления психоактивных веществ, делинквентного, рискованного и суицидального поведения [7-11]. Социальные, физические и психологические проблемы подростков - жертв часто сохраняются актуальными и во взрослом возрасте [12, 13]. Распространённость кибербуллинга по разным данным составляет от 3-14% [14-17] до 72% [18]. Хотя вариабельность значительна, обзор зарубежных данных (российской статистики в литературе крайне мало, а существующая основывается на небольших выборках) показывает, что киберзапугивание распространено в подростковом возрасте и заслуживает дальнейшего изучения.

Цель настоящего обзора литературы: провести анализ современных представлений о кибербуллинге и его влияния на психическое здоровье подростков, включая суицидальное поведение.

Подростки в виртуальном пространстве представляют собой наиболее уязвимую группу из-за высокой восприимчивости к давлению со стороны сверстников, сниженной способности к саморегуляции, технофилии и характерного для этого возраста сексуального любопытства [19]. В подростковом возрасте, как никогда, люди испытывают фундаментальную психологическую потребность принадлежать к группе сверстников и быть принятыми этой группой [20]. Кибербуллинг является относительно новым явлением, недостаточная осведомленность о нём и его последствиях, недостаток знаний о безопасности в Интернете и психологическая неготов-

The Internet and modern electronic devices have expanded the traditional forms of communication, but also made possible new types of negative interactions, which include a special form of bullying – cyberbullying [1-4]. This phenomenon is widespread among students of schools, colleges and universities [5]. Cyberbullying is an urgent problem of modern child psychology and psychiatry [6], this phenomenon is associated with a wide range of problems of mental health and behavior in adolescents: depression, anxiety (including the development of post-traumatic stress disorder), low self-esteem, academic failure, increased risk of the use of psychoactive substances, delinquent, risky and suicidal behavior [7-11]. Social, physical and psychological problems of adolescent victims often remain relevant in adulthood [12, 13]. The prevalence of cyberbullying, according to various sources, ranges from 3-14% [14-17] to 72% [18]. Although the variability is significant, a review of foreign data (there is very little Russian statistics in the literature, and the existing one is based on small samples) shows that cyberbullying is common among adolescence and deserves further study.

The purpose of this literature review is to analyze contemporary ideas about cyberbullying and its effect on the mental health of adolescents, including suicidal behavior.

Adolescents in the virtual realm are the most vulnerable group because of their high susceptibility to peer pressure, reduced ability to self-regulation, technophilia and sexual curiosity that are characteristic of this age [19]. During adolescence people have a fundamental psychological need to belong to a peer group and be accepted by this group [20]. Cyberbullying is a relatively new phenomenon, a lack of awareness about it and its consequences, a lack of knowledge about Internet security and psychological inability to solve problems of this kind can increase

ность к решению проблем такого рода могут повысить уязвимость подростков и молодых людей [21].

Первым определением этому понятию дал Билл Бэлси (Bill Belsey): «кибербуллинг – это использование информационных и коммуникационных технологий (электронной почты, мобильного телефона, личных интернет-сайтов и т.п.) для намеренного, неоднократного и враждебного поведения лица или группы, направленного на оскорбление других людей» [7]. Позднее кибербуллинг стал определяться как «агрессивное, преднамеренное действие, совершаемое группой или отдельным лицом, использующим электронные формы контакта, неоднократно и в течение долгого времени против жертвы, которая не может легко защитить себя» [22].

Киберзапугивание может принимать различные формы: распространение слухов, высмеивание и/или унижение другого человека, психологический прессинг по признаку расы, инвалидности, пола, религии или сексуальной ориентации; стремление отомстить или намеренно смутить человека, разместив интимные фотографии или видео о них без согласия; получение доступа к профилям социальных сетей со злым умыслом и социальное исключение человека из социальной сети или игрового сайта [5]. Отличия данного явления от «реальной» травли обусловлены спецификой взаимодействия в виртуальном пространстве – анонимность буллера, вовлечение неограниченной аудитории с повышенной экспозицией во времени и пространстве, обуславливающие рост тревоги и напряжения жертвы; возможность искажения личных данных и информации [23].

Анонимность является главной причиной возникновения так называемого «феномена растормаживания» у агрессора – не получая обратной эмоциональной связи и оставаясь безнаказанным, обидчик всё больше третирует жертву, не испытывая при этом личной ответственности [11, 23-25]. Анонимность усиливает чувство страха и незащищённости, провоцирует возникновение чувства бессилия, поскольку зачастую жертва не способна принять достаточные меры для прекращения агрессивных действий [6, 26]. A. Schultze-Krumbholz с соавт., при обследовании 6260 подростков, обнаружили, что лица, совершавшие киберзапугивание, ранее сами подвергались издевательствам традиционными способами [27]. Исследователи предположили, что анонимность кибербуллинга позволила этим молодым людям дать отпор способами, которые были бы невозможны «лицом к лицу».

Публичность. Кибербуллинг может привлечь большую аудиторию, чем традиционное запугивание, поскольку оно происходит в виртуальном пространстве и для того, чтобы стать свидетелем насилия, достаточно просто иметь доступ к интернету [11, 26]. Безграничной потенциальной аудитории, состоящей из свидетелей и

the vulnerability of adolescents and young people [21].

Bill Belsey was the first to define this concept: “cyberbullying is the use of information and communication technologies (email, mobile phone, personal Internet sites, etc.) for intentional, repeated and hostile behavior of an individual or a group aimed at insulting other people” [7]. Later, cyberbullying began to be defined as “an aggressive, deliberate action performed by a group or an individual using electronic forms of contact, repeatedly and over time against a victim who cannot easily protect themselves” [22].

Cyberbullying can take various forms: spreading rumors, making fun of and/or humiliating another person; psychological pressure based on race, disability, gender, religion or sexual orientation; the desire to avenge or intentionally embarrass a person by posting intimate photos or videos about them without their consent; gaining access to social media profiles with malicious intent and social exclusion of a person from a social network or game site [5]. The differences between this phenomenon and “real” bullying are due to the specifics of interaction in virtual space - the anonymity of the bully, the involvement of an unlimited audience with increased exposure in time and space, causing an increase in anxiety and tension of the victim; the possibility of distortion of personal data and information [23].

Anonymity is the main reason for the emergence of the so-called “disinhibition phenomenon” of the aggressor – without receiving emotional feedback and remaining unpunished the offender is increasingly attacking the victim, without experiencing personal responsibility [11, 23-25]. Anonymity enhances the feeling of fear and insecurity, provokes a feeling of powerlessness, because often the victim is not able to take sufficient measures to stop the aggressive actions [6, 26]. A. Schultze-Krumbholz et al., when examining 6,260 adolescents, found that individuals who committed cyberbullying had previously been harassed themselves by traditional methods [27]. Researchers have suggested that the anonymity of cyberbullying allowed these young people to fight back in ways that would not be possible “face to face”.

Publicity. Cyberbullying can attract a larger audience than traditional bullying, because it occurs in virtual realm and in

наблюдателей, психологически проще присоединиться к «агрессору», чем свидетелям традиционной травли в реальном времени, поскольку для этого не требуется ни физических, ни социальных навыков [28, 29]. В социальных сетях даже самый физически слабый ребенок может активно травить самого сильного [25]. В таких случаях при серьёзных намерениях буллера (например, передача откровенного сексуального образа жертвы), ситуация выходит за рамки киберзапугивания, оставляет последствия для психического здоровья «жертвы» и в некоторых странах признаётся уголовным преступлением [30].

Постоянство. Жертвы кибербуллинга испытывают постоянные напряжение и тревогу – онлайн-агрессия может произойти в любое время, где бы она не находилась, включая собственный дом, в то время как традиционное запугивание обычно не переносится в домашнюю обстановку [6, 10]. Невозможность для жертв иметь какой-либо контроль над актами киберзапугивания может привести к чувству бессилия у человека, подвергающегося издевательствам [31], идея о том, что «ничего нельзя сделать» является одной из главных для жертв [30].

К типичным проявлениям кибербуллинга в соответствии с характером атак относят следующие: письменно-вербальные (телефонные звонки, текстовые сообщения и электронные письма); визуальные (отправка смущающих изображений); использование или кража чьей-либо личности для раскрытия личной информации, используя свою учетную запись (более сложное проявление); преднамеренное исключение кого-либо из членов онлайн-группы. Отдельно выделяют виды кибербуллинга, связанные с трехкратным повышением риска эмоционального расстройства: случаи, в которых агрессор является взрослым человеком; публикация фотографий жертвы; эпизоды, сопровождающиеся агрессивными личными контактами.

К основным мотивам кибербуллинга относят экспериментирование подростками «примеивания» различных социальных ролей (что в виртуальном общении реализуется проще и быстрее в сравнении с реальным) и возможность отреагирования на агрессию по отношению к себе в реальной жизни (подросток-жертва в школе может оказаться в новой для себя роли агрессора в социальных сетях) [24]. Описаны и другие, часто встречающиеся мотивы: желание развлечься, стремление к превосходству, реализация чувства зависти и мести, конформизм (желание быть принятым в социальную группу путём агрессии к «неудобному», по её мнению, подростку), проблемы в семье (агрессивность и желание «отыграться» как реакция на жёсткий стиль воспитания) и с целью наказания (нападающие были уверены в том, что жертва неправильно ведёт себя в реальной жизни) [6].

order to witness violence, it is enough just to have access to the Internet [11, 26]. It is psychologically easier for a limitless potential audience that is made up of witnesses and observers to join the “aggressor” unlike witnesses of traditional real time bullying, since this does not require neither physical, nor social skills [28, 29]. In social media, even the most physically weak child can actively attack the strongest [25]. In some cases, when the situation goes beyond cyberbullying because of the bully’s serious intentions (for example, sharing the victim’s sexually explicit images), cyberbullying can lead to mental health consequences for the victim, and is recognized as a criminal offense in some countries [30].

Consistency. Cyberbullying victims experience constant tension and anxiety – online aggression can occur at any time, wherever it is, including your own home, while traditional bullying does not usually happen at home [6, 10]. The inability for victims to have any control over cyberbullying acts can lead to a sense of powerlessness [31], the idea that “nothing can be done” is one of the main for victims [30].

In terms of the nature of the attack typical manifestations of cyberbullying include: written and verbal (phone calls, text messages and emails); visual (sending embarrassing images); the use or theft of someone’s identity to disclose personal information using your account (a more complex manifestation); intentionally expelling any member of an online group. Also, there are outstanding types of cyberbullying associated with a three-fold increase in the risk of emotional disorders: cases in which the aggressor is an adult; publishing photos of the victim; episodes accompanied with aggressive personal contacts.

The main motives for cyberbullying include adolescent experimentation of “trying on” various social roles (which is easier and faster in virtual communication than real) and the possibility of counter reacting to aggression against oneself in real life (a teenage victim in school can to be in a new role of an aggressor in social networks) [24]. Other frequently encountered motives are described: a desire to have fun, a desire for superiority, the realization of a feeling of jealousy and revenge, conformism (the desire to be accepted into a social group through aggression towards a teenager that is “unconforming” in their opinion), family problems (aggressiveness and desire to com-

Кибербулли («агрессоры») часто вознаграждаются за свое поведение в интернете одобрением группы сверстников, однако исследования показывают, что имеются долгосрочные негативные последствия и для их психического здоровья, проблем социальной компетентности и формирования антисоциального поведения [32]. Типичными психологическими чертами буллеров являются низкий уровень развития эмпатии, отсутствие умения разрешать конфликты социально приемлемыми способами, наличие акцентуаций по истероидному или эпилептоидному типу.

Предикторами кибервиктимизации являются тревога, одиночество, психосоциальные проблемы, чувство собственного достоинства [9]. Низкий уровень самооценки рассматривается исследователями как значимый предиктор виктимизации киберзапугивания, так и одно из его негативных последствий [33, 34].

С учётом положений общей теории деформации С. Хэй и Р. Мелдрум виктимизацию определяют как тип деформации, связанный с негативными эмоциями и повреждающим поведением, направленным на себя; следовательно, дефицит регуляции негативных эмоций и/или неадекватные стили эмоционального выражения могут быть факторами риска для жертв издевательств в отношении возникновения проблем психического здоровья и суицидального поведения [35].

Выявлена значимая взаимосвязь кибервиктимизации как фактора риска формирования депрессивных симптомов, симптомов социальной тревоги и низкого уровня общего благополучия у подростков [15]. Ассоциация между кибербуллингом и депрессивной симптоматикой предполагает двунаправленность, то есть они могут быть либо причиной, либо следствием друг друга [26]. Например, было показано, что подростки, которые переживали депрессию в 8-м классе, подвергались более высокому риску стать жертвой кибербуллинга в 11-м классе [36].

Для кибервиктимов (жертв) и кибербуллей (нападающих) чаще других характерны эмоциональные и психосоматические проблемы, социальные трудности и отсутствие чувства безопасности в школе, самоповреждающее поведение [37, 38] и низкий уровень качества жизни [39]. Подростки-«жертвы» более склонны к головным болям, болям в животе, плохому аппетиту и нарушениям сна [40, 41], одиночеству, повышенному риску возникновения депрессии, тревоги и злоупотребления психоактивными веществами в сравнении со сверстниками [42-44].

Психологические механизмы, лежащие в основе связи между кибертравлей, виктимизацией и суицидальными идеями, а также поведением, связанным с суицидом, недостаточно хорошо изучены. Согласно теории соци-

pensate as a reaction to a harsh parenting style) and for the purpose of punishment (the attackers were sure that the victim behaved incorrectly in real life) [6]. Cyberbully (“aggressors”) are often rewarded for their behavior on the Internet with the approval of a group of peers, but studies show that there are long-term negative consequences for their mental health, problems of social competence and the formation of antisocial behavior [32]. Typical psychological features of bullies are a low level of empathy, lack of ability to resolve conflicts in socially acceptable ways, and the presence of accentuations of the hysteroid or epileptoid type.

The predictors of cybervictimization are anxiety, loneliness, psycho-social problems, and self-esteem [9]. The low level of self-esteem is considered by researchers as a significant predictor of victimization of cyberbullying, and one of its negative consequences [33, 34].

Taking into account the provisions of the general theory of deformation by S. Hay and R. Meldrum, victimization is defined as a type of deformation associated with negative emotions and damaging self-directed behavior; therefore, a lack of regulation of negative emotions and / or inadequate styles of emotional expression can be risk factors for victims of bullying regarding mental health problems and suicidal behavior [35].

A significant relationship between cyber victimization as a risk factor for the formation of depressive symptoms, symptoms of social anxiety and low levels of general well-being in adolescents has been identified [15]. The association between cyber bullying and depressive symptoms suggests two-way direction, that is, they can be either a cause or a consequence of each other [26]. For example, adolescents who experienced depression in the 8th grade were shown to be at a higher risk of becoming a victim of cyberbullying in the 11th grade [36].

For cybervictims and cyberbullies, emotional and psychosomatic problems, social difficulties and lack of sense of security at school, self-harming behavior [37, 38] and low quality of life [39] are more common than for other teenagers. Adolescent “victims” are more prone to headaches, abdominal pain, poor appetite and sleep disturbances [40, 41], loneliness, an increased risk of depression, anxiety and substance abuse compared to peers [42-44].

The psychological mechanisms underlying the relationship between cyber-attacks,

альной психологической деформации девиантности R. Agnew, напряжённые социальные отношения и события вынуждают индивидов совершать девиантные поступки [45]. Издевательства нередко являются источником внутреннего напряжения, оно заставляет жертв чувствовать гнев и разочарование, поэтому для них характерен большой риск формирования девиантного поведения [46, 47]. Для преодоления стресса и «психологической боли», связанной с опытом кибербуллинга подростки нередко используют такие способы совладания, как употребление психоактивных веществ и физическое насилие, увеличивающие в дальнейшем вероятность совершения суицидальных действий [48].

В целом, имеющиеся результаты исследований показывают, что риски суицидального поведения и суицидальных идей выше у тех, кто стал жертвой кибербуллинга в сравнении с невовлечёнными в процесс травли подростками; жертвы киберзапугивания в два раза чаще совершают попытки самоубийства, испытывая при этом чувство «абсолютной безнадёжности» [49, 50]. J. Raskauskas A.D. Stoltz (2007), изучая негативные последствия данного явления, также отмечают, что 93% жертв испытывают чувства печали, безнадёжности и бессилия [50].

По данным исследования H. Sampasa-Kanyinga с соавторами, обследовавших 1658 девочек и 1341 мальчика, учащихся 7-12 классов школ Восточного Онтарио (США), жертвы кибербуллинга имели значительно более высокий риск возникновения суицидальных мыслей (отношение шансов 3,31, 95% доверительный интервал 2,16-5,07), планов (2,79, 1,63-4,77 соответственно) и попыток (1,73, 1,26-2,38 соответственно) по сравнению с теми, кто не сталкивался с подобной ситуацией [29]. Данная взаимосвязь была опосредована также риском развития депрессивных симптомов. Опосредующая роль депрессии предполагает, что кибербуллинг среди школьников может привести к развитию депрессивной симптоматики и эпизодов депрессии, что, в дальнейшем, способствует появлению суицидальных идей, планов и попыток ($p < 0,001$).

Более масштабное исследование, объектом которого являлись 10398 учащихся 671 классов из 198 школ Штата Онтарио (Канада), также выявило повышенную вероятность неблагоприятных последствий для психического здоровья (суицидальные идеи, психологический дистресс и делинквентность), связанных с воздействием кибертравли [52]. Выявлена специфическая для женского пола тенденция – вероятность возникновения проблем и реализации суицидальных идей возрастала поэтапно при учащении эпизодов кибербуллинга у подростков женского пола (по сравнению с девочками-подростками, никогда не подвергавшимися киберзапугиванию, частота

victimization and suicidal ideation, as well as suicidal behavior, have not been well studied. According to the theory of social psychological deformation strain deviation by R. Agnew, tense social relations and events force individuals to commit deviant actions [45]. Bullying is often a source of internal tension, it makes victims feel angry and frustrated, which is why they are more at risk of deviant behavior [46, 47]. To overcome the stress and “psychological pain” associated with the experience of cyberbullying, adolescents often use coping methods such as the use of psychoactive substances and physical violence, which further increase the likelihood of suicidal actions [48].

In general, the available research results show that the risks of suicidal behavior and suicidal ideation are higher for those who are victims of cyberbullying compared to teenagers not involved in bullying; victims of cyberbullying are twice as likely to commit suicide, while experiencing a feeling of “absolute hopelessness” [49, 50]. J. Raskauskas and A.D. Stoltz (2007), studying the negative consequences of this phenomenon, also note that 93% of victims experience feelings of sadness, hopelessness, and powerlessness [50].

According to a study by H. Sampasa-Kanyinga et al. who examined 1658 girls and 1341 boys, 7-12 grades students in Eastern Ontario (USA), cyberbullying victims had a significantly higher risk of suicidal ideation (odds ratio 3.31, 95 % confidence interval 2.16-5.07), plans (2.79, 1.63-4.77, respectively) and attempts (1.73, 1.26-2.38, respectively) compared with those who did not face similar situation [29]. This relationship was also mediated by the risk of developing depressive symptoms. The mediating role of depression suggests that cyberbullying among schoolchildren can lead to the development of depressive symptoms and episodes of depression, which further contribute to the emergence of suicidal ideas, plans, and attempts ($p < 0.001$).

A larger study, targeting 10,398 students in 671 grades from 198 schools in Ontario, Canada, also revealed an increased likelihood of adverse effects on mental health (suicidal ideation, psychological distress, and delinquency) associated with exposure to cyberbullying [52]. A female-specific tendency has been identified – the likelihood of problems and the realization of suicidal ideations increased accordingly with the growth of number of cyberbullying epi-

суицидальных идей среди девочек, подвергавшихся кибербуллинг один раз, увеличивалась в 1,87 раз (95% Ди 1,37-2,54), а среди тех, кто подвергался 2 или более раз – в 4,60 раза (95% Ди 3,36-6,29).

Метаанализ 33 статей и 26 независимых исследований, охватывающих 156384 детей и молодых людей, проведенный английскими учёными, также показал, что жертвы кибербуллинга значимо чаще демонстрируют самоповреждающее (отношение шансов 2,35; 95% доверительный интервал 1,65-3,34), суицидальное поведение (2,10; 1,73-2,55 соответственно) и более склонны совершать суицидальные попытки (2,57; 1,69-3,90) [38].

Психологические последствия киберзапугивания кажутся похожими на последствия традиционного буллинга, однако у жертв кибербуллинга выявляется большее количество социальных и эмоциональных проблем (изоляция, проблемы регуляции эмоций, психологическая дезадаптация, нарушения сна), чем у жертв традиционного запугивания [53-56].

Отмечена разница в реагировании обоих полов на ситуацию кибербуллинга: мальчики проявляли большую склонность к экстернализации, в то время как девочки были склонны к интернализации [57]. Примечательно, что мальчики, испытывающие более высокий уровень психологического стресса и одиночества, чаще становятся жертвами кибербуллинга, чем девочки [9]. Мальчики-подростки, занимающиеся киберзапугиванием, имеют повышенный риск начала курения сигарет, в то время, как мальчики-подростки, являющиеся жертвами, более склонны к употреблению алкоголя [57], рискованному поведению, употреблению наркотиков и участию в драках [13]. Мальчики, имеющие негативные отношения со своими родителями, имеют больше шансов стать жертвами травли в виртуальном пространстве [44].

Девочки чаще становятся жертвами киберзапугивания [13, 58]. При этом у них отмечается большее количество эмоциональных симптомов, чувства страха и печали; а также большая психологическая дезадаптация в сравнении с мальчиками [59]. Девочки-подростки, являющиеся объектами кибербуллинга, имеют более высокий риск суицидальных мыслей и попыток самоубийства, а также подвержены более раннему началу употребления алкоголя, чем их сверстницы [57].

Так называемое «проблемное использование Интернета» [60] или Интернет-зависимость [60] также является растущей клинической проблемой для специалистов, работающих в области охраны психического здоровья подростков. Одним из современных аспектов изучения данного феномена является выявление его опосредующего влияния на ситуации кибертравли [29]. Американскими исследователями обследовано 205 подростков и лиц юношеского возраста 12-20 лет, находившихся в

sodes in female adolescents (compared with teenage girls who have never been subjected to cyberbullying, the frequency of suicidal ideas among girls subjected to cyberbullying once increased 1.87 times (95% CI 1.37-2.54), and among those who were exposed 2 or more times - 4.60 times (95% CI 3.36-6.29).

A British meta-analysis of 33 articles and 26 independent studies encompassing 156,384 children and young people also showed that cyberbullying victims are significantly more likely to show self-harm (odds ratio 2.35; 95% confidence interval 1.65-3,34), suicidal behavior (2.10; 1.73-2.55, respectively) and are more likely to commit suicidal attempts (2.57; 1.69-3.90) [38].

The psychological consequences of cyberbullying seem similar to the consequences of traditional bullying, but cyberbullying victims reveal more social and emotional problems (isolation, emotional regulation problems, psychological maladaptation, sleep disturbances) than traditional bullying victims [53-56].

There was a difference in the response of both sexes to the situation of cyberbullying: boys showed a greater tendency to externalization, while girls were prone to internalization [57]. It is noteworthy that boys who experience a higher level of psychological stress and loneliness are more likely to become victims of cyberbullying than girls [9]. Cyberbullying teenage boys have an increased risk of starting cigarette smoking, while victimized teenage boys are more likely to drink alcohol [57], take risky behaviors, use drugs, and get involved in fights [13]. Boys who have negative relationships with their parents are more likely to become victims of bullying in the virtual realm [44].

Girls are more likely to become victims of cyberbullying [13, 58]. Moreover, they have a greater number of emotional symptoms, feelings of fear and sadness; as well as greater psychological maladaptation compared to boys [59]. Teenage girls who are targeted by cyberbullying have a higher risk of suicidal thoughts and attempted suicide, they are also more prone to earlier drinking than their peers [57].

The so-called “problematic use of the Internet” [60] or Internet addiction [60] is also a growing clinical problem for professionals working in the field of adolescent mental health. One of the modern aspects of the study of this phenomenon is the identification of its indirect influence on the situa-

подростковом психиатрическом стационаре городской больницы штата Массачусетс, США. Выявлены значимые взаимосвязи проблемного использования Интернета с женским полом, секстингом, кибербуллингом и проявлениями суицидального поведения в течение последнего года [3]. Подростки с агрессивными расстройствами и расстройствами психологического развития имели значимо более высокие показатели уровня проблемного использования Интернета.

Раннее стороннее вмешательство с целью прекращения нападков буллера – это единственный работающий способ разрешения ситуации. Среди мер по предотвращению киберзапугивания называются разработка системных программ профилактики с учётом характера, возрастных, психологических и социокультурных особенностей; повышение уровня информированности общества (работников системы образования, психологов, врачей); формирование у детей и подростков компетенций в области использования медиапространства (плановый мониторинг использования компьютеров, установка инфа-фильтров, освоение настроек конфиденциальности и пр.), повышение уровня доверия в отношениях «подросток-значимый взрослый».

Проводится систематизация международного опыта проведения мероприятий (успехов и неудач) по борьбе с травлей / киберзапугиванием на школьном уровне [22, 62]. В метаанализе 44 школьных мероприятий, проведённых в течение 25 лет в Европе, Австралии, Америке и Южной Африке, описано, что некоторые программы вмешательства снизили уровень травли на 20-23% и виктимизации на 17-20% [62]. Ключевыми компонентами таких программ являлись организация родительских собраний и просвещение родителей, последовательные дисциплинарные методы, соблюдение правил проведения занятий, организация школьных конференций и квалифицированное руководство классами со стороны учителей. Даже в студенческом возрасте ключевую роль в качестве защитного фактора от кибербуллинга играет семья [5]. Школьников и студентов следует поощрять к обращению за поддержкой к сверстникам и членам семьи, педагогам, школьным психологам в ситуациях, когда они становятся жертвами издевательств [29]. Это оказывает значительное буферное воздействие на предупреждение формирования симптомов психической патологии, в частности, депрессивных симптомов и суицидального риска [63].

Программы профилактики кибертравли должны включать составляющие, направленные на повышение информированности общественности о состоянии этой проблемы и последствиях, сказывающихся на психическом здоровье жертв травли. Случайные наблюдатели (в качестве которых может оказаться абсолютно любой)

травляющий кибербуллингом [29]. Американские исследователи examined 205 adolescents aged 12-20 who were in-patients of the teenage psychiatric hospital in Massachusetts city hospital, USA. Significant correlations of the problematic use of the Internet with the female sex, sexting, cyberbullying, and suicidal manifestations over the past year have been identified [3]. Adolescents with aggressive and psychological developmental disorders had significantly higher rates of problematic use of the Internet.

Early third-party intervention to stop bullying attacks is the only working way to resolve the situation. The development of systemic prevention programs that consider the nature, age, psychological and socio-cultural characteristics; raising public awareness (educators, psychologists, doctors); building competencies in the use of media for children and adolescents (scheduled monitoring of computer use, setting up info filters, mastering privacy settings, etc.), increasing the level of confidence in the teenager-significant adult relationship should be also considered as effective measures to prevent cyberbullying.

The systematization of international experience in conducting events (successes and failures) to fight bullying / cyberbullying at the school level is being carried out [22, 62]. A 25 year meta-analysis of 44 school interventions in Europe, Australia, America, and South Africa described that some intervention programs reduced harassment by 20–23% and victimization by 17–20% [62]. The key components of such programs were the organization of parent-teacher meetings and parental education, consistent disciplinary methods, adherence to class rules, organization of school conferences and qualified classroom management on the part of teachers. Even for college students, family still is a key protective factor against cyberbullying [5]. Pupils and students should be encouraged to seek support from peers and family members, teachers, school psychologists in situations where they become victims of bullying [29]. This has a significant buffering effect on the prevention of the formation of symptoms of mental pathology, in particular, depressive symptoms and suicidal risk [63].

Cyberbullying prevention programs should include components aimed at raising public awareness about the state of this problem and the consequences that affect mental health of victims of bullying. Random ob-

могут смягчить эмоциональный и психический вред здоровью жертв после кибербуллинга [64]. В контексте предупреждения суицидального поведения одной из задач является подготовка учителей и родителей по вопросам информирования о возможностях выявления субдепрессивной и депрессивной симптоматики у подростков (определение аффективных симптомов, изменений в поведении, особенностей межличностного взаимодействия).

Подчеркивается необходимость создания онлайн-профилактических и поддерживающих сервисов, сотрудничающих с социальными сетями, легко доступных и охватывающих широкую целевую группу населения, включая подростков и молодёжь. Основные задачи таких сервисов – это дестигматизация, поощрение к обращению за помощью в специализированную (психиатрическую) службу и облегчение острого эмоционального или суицидального кризиса [65].

Важным направлением является поиск и определение личных ресурсов, которые облегчают совладание с киберагрессией со стороны сверстников, смягчают потенциально негативные последствия и, поэтому являются защитными [66]. Одним из таких личностных ресурсов является достаточно сформированный эмоциональный интеллект [50], который играет ключевую роль в психологической адаптации в подростковом возрасте [67, 68]. Помимо эмоционального интеллекта, значимым «буферным» фактором является социальная поддержка (в школьной и общественной среде) [5, 69]. Высокий уровень развития эмоционального интеллекта определяет использование адаптивных стратегий совладания, меньшее количество проблем интернализации [67], коррелирует с низким уровнем суицидального риска и оптимальной самооценкой; поэтому его формирование является потенциальной целью для превентивной психологической работы со школьниками, направленной на профилактику кибертравмы и/или ослабление тяжести её последствий [50].

В контексте поиска защитных факторов для уменьшения или даже предотвращения пагубного воздействия буллинга и кибербуллинга на психическое здоровье подростков описана роль прощения [70]. Прощение является одним из индивидуальных подходов к работе с негативными эмоциями, возникающими на фоне проблем межличностного взаимодействия, и связано с меньшей эмоциональной болью, испытываемой в ответ на различные случаи агрессии [71, 72]. Изучение выборки из 1044 подростков (обследованных с помощью специальных шкал на выявление принадлежности к травле в целом и кибербуллингу в частности, шкал суицидального риска и определение уровня удовлетворённости жизнью и уровня прощения) показало, что защитным фактором

servers (who can be absolutely anyone) can mitigate the emotional and mental harm to the health of victims after cyberbullying [64]. In the context of the prevention of suicidal behavior, one of the tasks is to train teachers and parents on how to identify subdepressive and depressive symptoms in adolescents (determining affective symptoms, changes in behavior, characteristics of interpersonal interaction).

The authors also emphasize the necessity of creating online preventive and supportive services that can collaborate with social networks, are easily accessible and cover a wide target group of the population, including adolescents and youth. The main objectives of such services are destigmatization, encouragement to seek help in a specialized (psychiatric) service, and alleviation of acute emotional or suicidal crisis [65].

An important area is the search and determination of personal resources that facilitate peer coping with cyber aggression, mitigate potentially negative consequences and are therefore protective [66]. One of such personal resources is a rather well-formed emotional intellect [50], which plays a key role in psychological adaptation in adolescence [67, 68]. In addition to emotional intelligence, a significant “buffer” factor is social support (in the school and public circles) [5, 69]. The high level of development of emotional intelligence determines the use of adaptive coping strategies, fewer internalization problems [67], correlates with a low level of suicidal risk and optimal self-esteem; therefore, its formation is a potential goal for preventive psychological work with schoolchildren, aimed at preventing cyber-torts and / or mitigating the severity of its consequences [50].

In the context of the search for protective factors to reduce or even prevent the harmful effects of bullying and cyberbullying on the mental health of adolescents, the role of forgiveness is described [70]. Forgiveness is one of the individual approaches to work with negative emotions arising from the background of interpersonal interaction problems, and is associated with less emotional pain experienced in response to various cases of aggression [71, 72]. A study of a sample of 1,044 adolescents (examined using special scales for identifying bullying in general and cyberbullying in particular, suicidal risk scales and determining the level of satisfaction with life and the level of forgiveness) showed that the protective factor

против пагубных последствий обеих форм издевательств является прощение. В целом, подростки с высоким уровнем прощения сообщали о значительно более высоком уровне удовлетворенности жизнью по сравнению с теми, у кого низкий уровень прощения; подростки, подвергшиеся буллингу, продемонстрировали более высокий уровень прощения и более низкий уровень суицидального риска в сравнении с группой, подвергшейся кибербуллингу [70].

Заключение.

Основная масса научных исследований явления кибербуллинга осуществляется в западных и азиатских странах, с использованием как качественных, так и количественных подходов; в то время как исследования по кибертравле в Российских регионах являются немногочисленными и, как правило, проведёнными на небольших выборках. Они касаются, в основном, описания самого явления, факторов риска его возникновения и попыток анализа распространённости. При этом отсутствуют системные разработки психологической помощи и тактики поведения разных участников (жертвы, сверстники, взрослые – родители, педагоги) для оптимального разрешения ситуации травли и профилактики / коррекции проблем психического здоровья.

Одной из актуальных проблем, на наш взгляд, является низкая информированность о проблеме и неготовность большей части школьных учителей и родителей подростков вовремя выявлять и адекватно реагировать на возникающую ситуацию травли, что соответственно, лишает жертву своевременной помощи, в ситуацию вовлекается большее число людей, утяжеляются последствия травли, включая последствия для психического здоровья. К числу самых значимых из них относится суицидальное поведение. В анализе причин, приводящих к суицидальным попыткам, кибербуллинг не всегда является «лежащей на поверхности», в виду низкой осведомлённости и информированности взрослых, порой принимающих подобные ситуации как «незначительные» и «несерьёзные». Можно предположить, что роль буллинга как основной причины суицидальных действий, особенно в случае гибели подростков, нередко не распознаётся и остаётся «за кадром».

Последствия кибербуллинга (аспекты влияния на психическое здоровье) остаются не полностью изученными, вероятно, из-за относительно недавнего появления данного феномена и отсутствия масштабных лонгитудинальных исследований; их определение и поиск защитных факторов (личностных, средовых) является, одной из перспектив данного научного направления. Ещё одним направлением для дальнейшей работы и исследований должно являться создание скрининговых анкет / опросников для выявления особенностей использования

against the harmful effects of both forms of bullying is forgiveness. In general, adolescents with a high level of forgiveness reported a significantly higher level of life satisfaction compared to those with a low level of forgiveness; adolescents that were bullied showed a higher level of forgiveness and lower suicidal risk compared to the group that were cyberbullied [70].

Conclusion

Most scientific research on the cyberbullying phenomenon is carried out in Western and Asian countries, using both qualitative and quantitative approaches; while cyberbullying studies in Russian regions are scarce and, as a rule, carried out in small samples. They relate mainly to the description of the phenomenon itself, risk factors for its occurrence, and attempts to analyze its prevalence. At the same time, there are no systematic developments of psychological assistance and behavior tactics for different participants (victims, peers, adults – parents, pedagogues) for optimal resolution of the situation of bullying and prevention / correction of mental health problems.

One of the urgent problems, in our opinion, is the low awareness of the problem and the unwillingness of a large part of school teachers and parents of adolescents to timely identify and adequately respond to the situation of bullying, which, in its turn, deprives the victim of timely assistance, gets more people involved in the situation, aggravates the consequences of bullying, including mental health problems. Onset of suicidal behavior is among the most significant of such consequences. In the analysis of the reasons leading to suicidal attempts, cyberbullying is not always obvious due to the low awareness and knowledge of adults who can sometimes see such situations as “insignificant” and “not serious”. It can be assumed that the role of bullying as the main cause of suicidal actions, especially in the case of the death of adolescents, is often not recognized and remains “behind the scenes”.

The consequences of cyberbullying (aspects of the impact on mental health) remain incompletely studied, probably due to the relatively recent occurrence of this phenomenon and the lack of large-scale longitudinal studies; their definition and the search for protective factors (personal, environmental) is one of the prospects of this scientific direction. Another direction for further work and research should be the creation of screening questionnaires to identify the fea-

Интернета, сочетающих прямые и косвенные вопросы и учитывающих деликатный характер обсуждаемой темы и специфику эмоциональной сферы подростков. Для контингентов групп риска (например, подростков с ограниченными возможностями здоровья) такие опросники могут быть адаптированными с учётом их интеллектуальных, эмоциональных и поведенческих особенностей.

tures of using the Internet, combining direct and indirect questions and taking into account the delicate nature of the topic discussed and the specifics of the emotional sphere of adolescents. For contingents of risk groups (for example, adolescents with disabilities), such questionnaires can be adapted considering their intellectual, emotional and behavioral characteristics.

Литература / References:

1. Calpbini P., Tas Arslan F. Virtual behaviors affecting *adolescent mental health*: The usage of Internet and mobile phone and cyberbullying. *J Child Adolesc Psychiatr Nurs.* 2019; 32 (3): 139-148. DOI: 10.1111/jcap.12244
2. Tokunaga R.S. Following you home from school: a critical review and synthesis of research on cyberbullying victimization. *Comp. Hum. Behav.* 2010; 26: 277-287. DOI: 10.1016/j.chb.2009.11.014
3. Gansner M., Belfort E., Cook B. et al. Problematic Internet use and associated high-risk behavior in an adolescent clinical sample: results from a survey of psychiatrically hospitalized youth. *Cyberpsychol Behav Soc Netw.* 2019; 22 (5): 349-354. DOI: 10.1089/cyber.2018.0329
4. Palermi A.L., Servidio R., Bartolo M.G., Costabile A. Cyberbullying and self-esteem: an Italian study. *Comp. Hum. Behav.* 2017; 69: 136-141. DOI: 10.1016/j.chb.2016.12.026
5. Myers C.A., Cowie H. Cyberbullying across the Lifespan of Education: Issues and Interventions from School to University. *Int J Environ Res Public Health.* 2019; 4; 16 (7). pii: E1217. DOI: 10.3390/ijerph16071217
6. Wang C.W., Musumari P.M., Techasrivichien T. et al. «I felt angry, but I couldn't do anything about it»: a qualitative study of cyberbullying among Taiwanese high school students. *BMC Public Health.* 2019; 19 (1): 654. DOI: 10.1186/s12889-019-7005-9
7. Бенгина Е.А., Гришаева С.А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка. *Вестник университета.* 2018; 2: 153-157. [Bengina E., Grishaeva S. Cyberbullying as a new form of danger of the psychological health of a teenager's personality. *University Herald.* 2018; 2: 153-157.] (In Russ)
8. Baiden P., Graaf G., Zaami M. et al. Examining the association between prescription opioid misuse and suicidal behaviors among adolescent high school students in the United States. *J Psychiatr Res.* 2019; 112: 44-51. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2019.02.018
9. Chu X.W., Fan C.Y., Lian S.L., Zhou Z.K. Does bullying victimization really influence adolescents' psychosocial problems? A three-wave longitudinal study in China. *J Affect Disord.* 2019; 1 (246): 603-610. DOI: 10.1016/j.jad.2018.12.103
10. Englander E., Donnerstein E., Kowalski R. et al. Defining cyberbullying. *Pediatrics.* 2017; 140 (2): 148-151.
11. Vaillancourt T., Faris R., Mishna F. Cyberbullying in children and youth: implications for health and clinical practice. *Can J Psychiatry.* 2017; 62 (6): 368-373. DOI: 10.1177/0706743716684791
12. Sigurdson J.F., Undheim A.M., Wallander J.L. et al. The long-term effects of being bullied or a bully in adolescence on externalizing and internalizing mental health problems in adulthood. *Child Adolesc. Psychiatry Ment. Health.* 2015; 9: 42. DOI: 10.1186/s13034-015-0075-2
13. Carvalho M., Branquinho C., Gaspar de Matos M. Emotional symptoms and risk behaviors in adolescents: relationships with cyberbullying and implications on well-being. *Violence Vict.* 2018; 33 (5): 871-885. DOI: 10.1891/0886-6708.VV-D-16-00204
14. Ybarra M.L., Mitchell J.K. Online aggressor/targets, aggressors and targets: a comparison of associated youth characteristics. *J Child Psychol. Psychiatry.* 2004; 45: 1308-1316. DOI: 10.1111/j.1469-7610.2004.00328.x
15. Fahy A.E., Stansfeld S.A., Smuk M. et al. Longitudinal associations between cyberbullying involvement and adolescent mental health. *J Adolesc Health.* 2016; 59 (5): 502-509. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2016.06.006
16. Mishna F., Cook C., Saini M. et al. Interventions to prevent and reduce cyber abuse of youth: a systematic review. *Res. Soc. Work. Pract.* 2011; 21: 5-14. DOI: 10.1177/1049731509351988
17. Przybylski A.K., Bowes L. Cyberbullying and adolescent well-being in England: a population-based cross-sectional study. *Lancet Child Adolesc Health.* 2017; 1 (1): 19-26. DOI: 10.1016/S2352-4642(17)30011-1
18. Juvonen J., Gross E. F. Extending the school grounds? Bullying experiences in cyberspace. *J. Sch. Health.* 2008; 78: 496-505. DOI: 10.1111/j.1746-1561.2008.00335.x
19. Gassy A.M., Klettke B., Agustina J.R., Montiel I. Sexting, mental health and victimization among adolescents: a literature review. *Int J Environ Res Public Health.* 2019; 16. 13. pii: E2364. DOI: 10.3390/ijerph16132364
20. Baumeister R. F., Leary M. R. The need to belong: desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychol. Bull.* 1995; 117: 497-529. DOI: 10.1037/0033-2909.117.3.497
21. Mishna F., Cook C., Gadalla T. et al. Cyber bullying behaviors among middle and high school students. *Am J Orthopsychiatry.* 2010; 80: 362-374
22. Smith P. K., Mahdavi J., Carvalho M. et al. Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils. *J. Child Psychol. Psychiatry.* 2008; 49: 376-385. DOI: 10.1111/j.1469-7610.2007.01846.x
23. Nixon C.L. Current perspectives: the impact of cyberbullying on adolescent health. *Adolesc Health Med Ther.* 2014; 5: 143-158. DOI: 10.2147/AHMT.S36456
24. Волкова Е.Н., Волкова И.В. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга. *Вестник Минского университета.* 2017; 3. DOI: 10.26795/2307-1281-2017-3-17 [Volkova E., Volkova I. Cyberbullying as a method of social addressing teenagers on the bullying situation. *Vestnik of Minin University.* 2017; 3.] (In Russ)
25. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий. *Психология. Журнал Высшей школы экономики.* 2014; 11 (3): 177-191. [Bochaver A., Khlomov K. Cyberbullying: harassment in the space of modern technologies. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics.* 2014; 11 (3): 177-191.] (In Russ)
26. Bottino S.M., Bottino C.M., Regina C.G. et al. Cyberbullying and adolescent mental health: systematic review. *Cad Saude Publica.* 2015; 31 (3): 463-475.
27. Schultze-Krumbholz A., Gobel K., Scheithauer H. et al. A comparison of classification approaches for cyberbullying and traditional bullying using data from six European countries. *J. Sch. Violence.* 2015; 14: 47-65. DOI: 10.1080/15388220.2014.961067
28. Slonje R., Smith P.K. Cyberbullying: another main type of bullying? *Scand J Psychol.* 2008; 49: 147-154.
29. Sampasa-Kanyinga H., Roumeliotis P., Xu H. Associations between cyberbullying and school bullying victimization and suicidal ideation, plans and attempts among Canadian schoolchildren. *PLoS One.* 2014; 9 (7): e102145. DOI: 10.1371/journal.pone.0102145
30. Myers C.-A., Cowie H. Bullying at university: the social and legal contexts of cyberbullying among university students. *J. Cross-Cult. Psychol.* 2017; 48: 1172-1182. DOI: 10.1177/0022022116684208

31. Dooley J.J., Pyzalski J., Cross D. Cyberbullying versus face-to-face bullying: a theoretical and conceptual. *Journal of Psychology*. 2009; 217: 182–188.
32. Colliety P., Royal C., Cowie H. The unique role of the school nurse in the holistic care of the bully. *Br. J. Sch. Nurs.* 2016; 11: 443–449. DOI: 10.12968/bjsn.2016.11.9.443
33. Egan S.K., Perry D.G. Does low self-regard invite victimization? *Dev. Psychol.* 1998; 34: 299–309. DOI: 10.1037/0012-1649.34.2.299
34. Cénat J.M., Hébert M., Blais M. et al. Cyberbullying, psychological distress and self-esteem among youth in Quebec schools. *J. Affect. Disord.* 2014; 169: 7–9. DOI: 10.1016/j.jad.2014.07.019
35. Hay C., Meldrum R. Bullying victimization and adolescent self-harm: Testing hypotheses from general strain theory. *J. Youth Adolesc.* 2010; 39 (5): 446–459. DOI: 10.1007/s10964-009-9502-0
36. Modecki K.L., Barber B.L., Vernon L. Mapping developmental precursors of cyber-aggression: trajectories of risk predict perpetration and victimization. *J. Youth Adolesc.* 2013; 42 (5): 651–661.
37. Gonzalez-Cabrera J., Leyn-Mejna A., Beranuy M. et al. Relationship between cyberbullying and health-related quality of life in a sample of children and adolescents. *Qual of Life Res.* 2018; 27 (10): 2609–2618. DOI: 10.1007/s11136-018-1901-9
38. John A., Glendenning A.C., Marchant A. et al. Self-Harm, suicidal behaviours, and cyberbullying in children and young people: systematic review. *J. Med Internet Res.* 2018; 19 (4): e129. DOI: 10.2196/jmir.9044
39. Fridh M., Lindstrum M., Rosvall M. Associations between self-injury and involvement in cyberbullying among mentally distressed adolescents in Scania, Sweden. *Scand J Public Health.* 2019; 47 (2): 190–198. DOI: 10.1177/1403494818779321
40. Schenk A.M., Fremouw W.J. Prevalence, psychological impact, and coping of cyberbully victims among college students. *J. Sch. Violence.* 2012; 11: 21–37. DOI: 10.1080/15388220.2011.630310
41. Sampasa-Kanyinga H., Chaput J.P., Hamilton H.A., Colman I. Bullying involvement, psychological distress, and short sleep duration among adolescents. *Soc Psychiatry Psychiatr Epidemiol.* 2018; 53 (12): 1371–1380. DOI: 10.1007/s00127-018-1590-2
42. Takizawa R., Maughan B., Arseneault L. Adult health outcomes of childhood bullying victimization: evidence from a five-decade longitudinal British birth cohort. *Am. J. Psychiatr.* 2014; 171: 777–784. DOI: 10.1176/appi.ajp.2014.13101401
43. van Geel M., Vedder P., Taniol J. Relationship between peer victimization, cyberbullying, and suicide in children and adolescents: a meta-analysis. *JAMA Pediatr.* 2014; 168: 435–442. DOI: 10.1001/jamapediatrics.2013.4143
44. Sampasa-Kanyinga H., Lalande K., Colman I. Cyberbullying victimisation and internalising and externalising problems among adolescents: the moderating role of parent-child relationship and child's sex. *Epidemiol Psychiatr Sci.* 2018; 13: 1–10. DOI: 10.1017/S2045796018000653
45. Agnew R. Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. *Criminology.* 1992; 30: 47–87.
46. Patchin J.W., Hinduja S. Traditional and nontraditional bullying among youth: A test of general strain theory. *Youth and Society.* 2011; 43: 727–751.
47. Wallace L.H., Patchin J.W., May D.J. Reactions of victimized youth: strain as an explanation of school delinquency. *Western Criminology Review.* 2005; 6: 104–116.
48. Litwiller B.J., Brausch A.M. Cyber bullying and physical bullying in adolescent suicide: the role of violent behavior and substance use. *J Youth Adolesc.* 2013; 42 (5): 675–684.
49. Hinduja S., Patchin J.W. Bullying, cyberbullying, and suicide. *Arch. Suicide Res.* 2010; 14: 206–221. DOI: 10.1080/13811118.2010.494133
50. Extremera N., Quintana-Orts C., Múrida-López S., Rey L. Cyberbullying victimization, self-esteem and suicidal ideation in adolescence: does emotional intelligence play a buffering role? *Front Psychol.* 2018; 22 (9): 367. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00367
51. Raskauskas J., Stoltz A.D. Involvement in traditional and electronic bullying among adolescents. *Dev Psychol.* 2007; 43 (3): 564–575.
52. Kim S., Kimber M., Boyle M.H., Georgiades K. *Can J Psychiatry.* 2019 Feb; 64 (2): 126–135. DOI: 10.1177/0706743718777397
53. Monks C.P., Smith P.K., Naylor P. et al. Bullying in different contexts: commonalities, differences and the role of theory. *Aggress. Violent Behav.* 2009; 14: 146–156. DOI: 10.1016/j.avb.2009.01.004
54. Ak S., Özdemir Y., Kuzucu Y. Cyber victimization and cyber bullying: the mediating role of anger, don't anger me! *Computers in Human Behavior.* 2015; 49: 437–443. DOI: 10.1016/j.chb.2015.03.030
55. Elipe P., Mora-Merchan J.A., Ortega-Ruiz R., Casas J.A. Perceived emotional intelligence as a moderator variable between cybervictimization and its emotional impact. *Front. Psychol.* 2015; 6: 486. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00486
56. Tsaousis I. The relationship of self-esteem to bullying perpetration and peer victimization among schoolchildren and adolescents: a meta-analytic review. *Aggress. Violent Behav.* 2016; 37: 186–199. DOI: 10.1016/j.avb.2016.09.005
57. Wiguna T., Irawati I. R., Sekartini R. et al. The gender discrepancy in high-risk behavior outcomes in adolescents who have experienced cyberbullying in Indonesia. *Asian J Psychiatry.* 2018; 37: 130–135. DOI: 10.1016/j.ajp.2018.08.021
58. Craig W., Harel-Fisch Y., Fogel-Grinvald H. et al. A cross-national profile of bullying and victimization among adolescents in 40 countries. *Int. J. Public Health.* 2009; 54: 216–224. DOI: 10.1007/s00038-009-5413-9
59. Zych I., Ortega-Ruiz R., Del Rey R. Systematic review of theoretical studies on bullying and cyberbullying: facts, knowledge, prevention, and intervention. *Aggress. Violent Behav.* 2015; 23: 1–21. DOI: 10.1016/j.avb.2015.10.001
60. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника. *Консультативная психология и психотерапия.* 2018; 26 (3): 56–79. DOI: 10.17759/cpp.2018260304 [Gerasimova A.A., Kholmogorova A.B. The Generalized Problematic Internet Use Scale 3 Modified Version: Approbation and Validation on the Russian Sample. *Counseling Psychology and Psychotherapy.* 2018; 26 (3): 56–79. DOI: 10.17759/cpp.2018260304]. (In Russ)
61. Кибитов А.О., Трусова А.В., Егоров А.Ю. Интернет-зависимость: клинические, биологические, генетические и психологические аспекты. *Вопросы наркологии.* 2019; 2 (173): 22–47. [Kibitov A.O., Trusova A.V., Egorov A.Y. Internet addiction: clinical, biological, genetic and psychological aspects. *Addiction issues.* 2019; 2 (173): 22–47.] (In Russ)
62. Ttofi M.M., Farrington, D.P. Effectiveness of school-based programs to reduce bullying: A systematic and meta-analytic review. *Journal of experimental criminology.* 2011; 7 (1): 27–56. <http://dx.doi.org/10.1007/s11292-010-9109-1>
63. Machmutowa K., Perrena S., Sticca F., Alsaker F.D. Peer victimisation and depressive symptoms: can specific coping strategies buffer the negative impact of cybervictimisation? *Emotional and Behavioural Difficulties* 2012; 17: 403–420.
64. DeSmet A., De Bourdeaudhuij I., Walrave M., Vandebosch H. Associations Between Bystander Reactions to Cyberbullying and Victims' Emotional Experiences and Mental Health. *Cyberpsychol Behav Soc Netw.* 2019; 22 (10): 648–656. DOI: 10.1089/cyber.2019.0031
65. Остроушко А.В., Букалеров А.А. Противодействие кибербуллингу детей в Великобритании и России. *Вестник всероссийского института повышения квалификации сотрудников министерства внутренних дел Российской Федерации.* 2018; 3 (47): 144–150. [Ostroushko A.V., Bukalero A.A. Anticyberbullying of children in the UK and Russia. *Bulletin of the Russian Institute for advanced training of employees of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation.* 2018; 3 (47): 144–150.] (In Russ)
66. Chen L., Ho S.S., Lwin M.O. A meta-analysis of factors predicting cyberbullying perpetration and victimization: from the social cognitive and media effects approach. *New Media Soc.* 2017; 19: 1194–1213. DOI: 10.1177/1461444816634037
67. Baroncelli A., Ciucci E. Unique effects of different components of trait emotional intelligence in traditional bullying and cyberbullying. *J. Adolesc.* 2014; 37: 807–815. DOI: 10.1016/j.adolescence.2014.05.009

68. Resurreccijn D.M., Salguero J. M., Fernández-Berrocá P. Emotional intelligence and psychological maladjustment in adolescence: a systematic review. *J. Adolesc.* 2014; 37: 461–472. DOI: 10.1016/j.adolescence.2014.03.012
69. Jenaro C., Flores N., Frnas C.P. Systematic review of empirical studies on cyberbullying in adults: What we know and what we should investigate. *Aggress. Violent Behav.* 2018; 38: 113–122. DOI: 10.1016/j.avb.2017.12.003
70. Quintana-Orts C., Rey L. Traditional Bullying, cyberbullying and mental health in early adolescents: forgiveness as a protective factor of peer victimisation. *Int J Environ Res Public Health.* 2018; 15 (11). pii: E2389. DOI: 10.3390/ijerph15112389
71. Egan L.A., Todorov N. Forgiveness as a coping strategy to allow school students to deal with the effects of being bullied: theoretical and empirical discussion. *J. Soc. Clin. Psychol.* 2009; 28: 198–222. DOI: 10.1521/jsep.2009.28.2.198
72. Toussaint L.L., Worthington E.L.J., Williams D.R. In: Forgiveness and health. Toussaint L., Worthington E., Williams D.R., Toussaint L., editors. Springer; Dordrecht, The Netherlands: 2015.

CYBERBULLYING AND SUICIDAL BEHAVIOR OF ADOLESCENTS

I.S. Karaush, I.E. Kupriyanova,
A.A. Kuznetsova

Mental Health Research Institute, Tomsk National Research Medical Center,
Russian Academy of Sciences, Tomsk, Russia; anir7@yandex.ru

Abstract:

The review is focused on a phenomenon wide-spread among adolescents and youths – cyberbullying that is defined as "an aggressive, deliberate action performed by an individual or a group using electronic forms of contact, repeatedly and over time against a victim who cannot easily defend himself." The situation of bullying in the Internet realm is associated with a wide range of mental health and behavior problems in adolescents – depression, anxiety, low self-esteem, increased risk of substance use, and the formation of suicidal behavior. The review gives a description of the forms and specifics of this phenomenon, the characteristics of motivation and the psychological characteristics of "aggressors" and "victims". There was a difference in the response of both sexes to the situation of cyberbullying: boys are more prone to externalization, they are more likely to use alcohol and drugs and get engaged into risky behavior. Teenage girls who are cyberbullied are more prone to internalization, show a large number and variety of emotional manifestations and a greater level of psychological maladaptation compared to boys, the risk of suicidal thoughts and attempts is higher. The data available in the literature indicate that victims of cyberbullying significantly have increased frequency of various manifestations of suicidal behavior – thoughts, plans, attempts, compared to the teenagers not involved in the bullying. Victims of cyberbullying are twice as likely to commit suicide, while experiencing a feeling of "absolute hopelessness", the frequency of occurrence of suicidal thoughts and plans is estimated at an average of "2-4 times higher". This trend is more relevant for teenage girls rather than boys. A lot of scientific research on cyberbullying is carried out abroad, while in Russia there are few studies, no systematic developments of psychological assistance and behavioral tactics for different participants (victims, peers, adults – parents, teachers) for optimal resolution of bullying situations, prevention and correction of mental health problems. In this aspect, one of the most significant issues is the assessment of the relationship between cyberbullying and suicidal behavior. In the analysis of the reasons leading to suicidal attempts, cyberbullying is not always obvious due to lack of knowledge and awareness of adults who sometimes see such situations as "insignificant" and "not serious". It can be assumed that the role of bullying as the main cause of suicidal actions, especially in the case of the death of adolescents, is often not recognized and remains "behind the scenes".

Keywords: cyberbullying, adolescents, suicidal behavior, suicidal attempts, depression.

Вклад авторов:

I.S. Karaush: разработка дизайна исследования, написание и редактирование текста рукописи;
I.E. Kupriyanova: анализ данных литературы, написание текста рукописи, article editing;
A.A. Kuznetsova: сбор и анализ данных литературы, написание текста рукописи.

Authors' contributions:

I.S. Karaush: developing the research design, article writing; article editing;
I.E. Kupriyanova: article writing, reviewing relevant publications, article editing;
A.A. Kuznetsova: reviewing relevant publications, article writing.

Финансирование: Данное исследование не имело финансовой поддержки.
Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 23.09.2019. Принята к публикации / Accepted for publication: 02.02.2020.

Для цитирования: Карауш И.С., Куприянова И.Е., Кузнецова А.А. Кибербуллинг и суицидальное поведение подростков. *Суицидология.* 2020; 11 (1): 117-129. doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-117-129

For citation: Karaush I.S., Kupriyanova I.E., Kuznetsova A.A. Cyberbullying and suicidal behavior of adolescents. *Suicidology.* 2020; 11 (1): 117-129. (In Russ) doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-117-129